

УДК 316.347

С. Д. Савин

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ВЕРСИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО¹

В период поиска новых основ национальной консолидации российского общества большую значимость приобретает формирование концепции истории Отечества. Отношение граждан к историческому прошлому, традициям своей страны, осознание так называемых «уроков истории» формирует и отношение к современности, и взгляд на будущее. Развитие общества при сохранении его стабильности возможно только в условиях целостности исторического сознания, выполнения им интегративной функции. В то же время существует противоречивый характер создания так называемой «национальной истории» в этнотерриториальных образованиях Российской Федерации. Поддерживаемые некоторыми региональными властями местные школы историографии создают такие системы исторического знания, которые направлены на формирование идентичности в русле политики этнонационализма. Историческое сознание в условиях перемен, трансформации общества играет двойственную роль. С одной стороны, оно выполняет интегративную функцию, с другой стороны, может стать источником конфронтации и расколов в обществе и между народами.

Историческая память, историческое сознание, этнический конфликт, национальная идентичность, политическая стабильность

В связи с конфликтными событиями на постсоветском пространстве в последнее время обострились вопросы проектирования политическими элитами так называемой «национальной истории». История становится не просто наукой, а инструментом, который используют отдельные политические силы [1, с. 14]. Активно поддерживаемые властями школы национальной историографии создают системы исторического знания, которые направлены на формирование идентичности в русле политики этнонационализма. Разумеется, такая «политизированная история» далеко не всегда стремится к истине в вопросах прошлого, а в большей степени – к конструированию идеологизированной модели будущего. Этот процесс достаточно естественен для новых государств, которые ставят на повестку дня вопрос нациестроительства. Но все дело в степени разобщенности и конфронтации с прежними ценностями метрополии. В случае, если национальное движение формируется и поддерживается на основании чувства враждебности к соседним народам, степень разрыва с традициями общего исторического прошлого будет велика. Еще более опасна ситуация, когда разрыв в историческом сознании по линии этничности происходит внутри одного государства. Этнический сепаратизм в лице отдельных групп региональных элит либо контрэлит черпает свой мобилизационный ресурс в воздействии на массовое сознание местного населения, затрагивает болезненные события исторической памяти.

¹ Статья написана в рамках проекта РНФ № 15-18-00119 «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование».

В мобилизации этничности ключевое значение имеют мифологемы. Как отмечает Л. М. Дробижева, мифологемы как разделяемые большинством представления об отдельных компонентах социальной реальности являются не только суммой индивидуальных, обусловленных личным опытом интерпретаций текущих социальных реалий. Завершенность и социальную значимость им придают репутации, задаваемые лидерами, политическими и общественными деятелями [2, с. 15]. Мифологема как составляющая исторического сознания – это групповая интерпретация реальности на основе исторических событий, актуализированных в сознании людей.

Известно, что историческое сознание является важной составной частью этнической и национальной идентичности. Образы событий, процессов прошлого, которые закрепляются в исторической памяти каждого последующего поколения, актуализируются при помощи исторических аналогий, интерпретации событий исходя из опыта переживаемого настоящего. В массовом сознании этот опыт складывается в единую картину посредством целенаправленного культурно-информационного воздействия (пропаганды, массового искусства, научно-образовательных стратегий и др.). Преемственность исторической памяти – это процедура, посредством которой прошлое интерпретируется ради понимания настоящего и предвидения будущего. Эта ментальная процедура является антропологической универсальностью в культурной ориентации практической жизни человека и приводит к понятию хода времени как необходимого социокультурного фактора [3].

Историческая память в условиях перемен, трансформации общества имеет двойственное значение. С одной стороны, она выполняет интегративную функцию и играет позитивную роль сохранения этнической идентичности, а также компенсаторную функцию поиска в прошлом образцов гордости и величия. Запутавшись в проблемах современности, люди пытаются найти ответы в истории, найти для нестабильного настоящего образцы стабильного и благополучного прошлого или пути его достижения. С другой стороны, манипулятивный эффект от мифологизации исторических образов и примеров во времена кризисов нарушает психологическую устойчивость людей, систему устоявшихся ценностей.

Теоретико-методологические рамки исследования. Наше исследование процессов формирования исторического сознания носит междисциплинарный характер. Естественно, оно базируется собственно на знаниях об историческом прошлом, которые дает нам историческая наука. Различные исторические концепции порождают и разные версии прошлого. Политологический ракурс исследования представляет нам картину так называемой политизации истории, изучение процессов целенаправленного воздействия со стороны государственных институтов и СМИ на массовое сознание при помощи инструментов образовательных и культурно-информационных технологий, пропаганды и политического манипулирования. Социологическое исследование массового сознания и динамики общественного мнения фиксирует основные характеристики и направленность коллективных представлений об истории и произошедшие в них изменения. При помощи инструментария опросов общественного мнения мы можем выявить конкретные содержательные составляющие исторического сознания социальных групп, понять, какие проблемы истории актуализируются в нем и в связи с какими факторами. Социально-психологический ракурс исследования дополнит эту картину массового сознания изучением поведенческих установок и стереотипов.

По вопросам исторического сознания и исторической памяти написано много работ, в том числе к этой теме часто обращаются значимые фигуры отечественной и зарубежной науки, такие как: Р. Арон, М. К. Горшков, П. Нора, П. Рикер, Н. В. Романовский, Й. Рюзен, Ж. Т. Тощенко, С. А. Ушакин, Ф. Шенк, Ф. Э. Шереги, М. Хальбвакс и др.

В общественных науках нет единого понимания феноменов коллективной памяти и исторического сознания, а кроме того, существует путаница в разграничении таких понятий, как историческая память, социальная память, культурная память. Ряд исследователей рассматривает коллективную память как синоним исторического сознания. Другие различают эти феномены, подчеркивая, что историческая память – это один из видов коллективной памяти, отражающий в массовом сознании значимые события исторического прошлого. В то же время историческое сознание – это не только память о прошлом, но и определенное восприятие истории своего и других народов, периодов исторического развития, следствий тех или иных исторических событий, поиск закономерностей общественного развития.

Являясь неотъемлемой составляющей массового сознания, историческое сознание понимается как совокупность взглядов, идей, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие прошлого и его оценку [4, с. 32]. Это восприятие эмоционально окрашено, формирует образ прошлого в оценочных суждениях о хорошем и плохом, вызывающем гордость или стыд, героическом или трагическом. Оно тесно связано с исторической памятью о воспринимаемых как ключевые событиях исторического развития своей страны. По сути, при помощи коллективной памяти, сформированной на основе исторического опыта той или иной общности, социальной группы, формируется историческое сознание, выстраивается перспектива исторического видения, на основе которой строятся конкретные задачи и направления развития общества [5].

Некоторые авторы подчеркивают влияние социальной идентичности на процессы исторической памяти, особенно на последовательный подход к оценке исторических событий по шкале «плохо»/«хорошо» [6]. Историческая память общества, этнических и других социальных общностей избирательна. В зависимости от политической конъюнктуры, идеологии, политических конфликтов и противоречий общественного развития актуализируются те или иные события исторического прошлого: победа в войне, борьба за национальную независимость, всплеск определенных социальных движений и т. д. На другие же фрагменты истории, напротив, накладывается своего рода табу, эти события вычеркиваются из исторической памяти: поражение в войне, репрессии, гонения, предательство национальных интересов и др. Но не всегда. Одни и те же события могут стать для разных этносоциальных групп объектом как вытеснения, так и актуализации в исторической памяти. Ж. Т. Тощенко называет такого рода ситуации кентавр-проблемами [7]. Типичная кентавр-проблема такого рода для нашего общества – депортации народов сталинского периода.

Мы поставили задачу рассмотреть проблему исторического сознания в аспекте этноцентризма и воздействия этнонациональных версий истории. После распада Советского Союза эта проблема приобрела особую значимость в отечественной историографии. Возникновение на постсоветском пространстве новых школ историографии породило противостояние с традиционной концепцией исторического прошлого, преемницей советской историографии. Новые школы стали носить этноцентрический характер и сильно политизировались, что, соответственно, отразилось и на историческом сознании, которое оказалось расколотым. В особенности этот раскол заметен по линиям молодежь–старшие поколения и

гуманитарная интеллигенция–рабочий класс. Описанные выше особенности приводили к стремлению к фальсификации истории со стороны заинтересованных групп, этнонациональных движений.

Проблемы этноцентризма и политизации истории нашли отражение в отечественных этнополитологии и этносоциологии. В ракурсе социально-политических процессов в России и на постсоветском пространстве они были проанализированы такими исследователями, как В. А. Ачкасов, Л. М. Дробужева, З. В. Сикевич, В. В. Степанов, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко и др.

Проблема этнонациональных версий истории неоднократно поднималась самими историками. Особую популярность и полемику в научном сообществе вызвали сборники под общим заголовком «Национальные истории», посвященные проблемам формирования новых исторических концепций и фальсификации истории в России и постсоветских странах [8].

Наше исследование массового сознания современного российского общества и такой его составляющей как историческое сознание базируется также на социологических опросах, проводимых различными социологическими центрами, и на результатах собственных исследований: «Этнический статус, этническое неравенство и этноконфессиональные конфликты в массовом сознании россиян» – телефонный опрос по квотной выборке жителей Санкт-Петербурга (декабрь 2015 – апрель 2016 г., N = 1212) и анкетный опрос петербургских школьников старших классов (декабрь 2016 – апрель 2017, N = 495).

К вопросу об историческом сознании россиян. Прежде чем давать анализ проблем борьбы вокруг исторических концепций построения национального государства в России, обратимся к вопросу об историческом сознании россиян как общественном явлении. А интересно ли вообще наших граждан история, и если да, то откуда черпаются информация и смыслы для формирования исторического сознания? Насколько это стихийный процесс самоорганизации общества или целенаправленный процесс определенной политики?

По мнению С. А. Ушакина, историческая память в массовом сознании носит аффективный характер. На примере современного празднования Дня Победы россиянами он подчеркивает, что это уже не воспоминания как таковые, а опосредованные переживания, вписывание себя в контекст прошлого для того, чтобы выстроить с ним какие-то эмоциональные отношения [9]. Это переживание великого исторического прошлого носит символический характер в настоящем, играет роль групповой идентификации. Для общества здесь важнее не объективное историческое знание, а действие во имя прошлого, его актуализация. Человеческая память – это не только память на даты и события, но еще и чувственная память. Председатель Русского исторического общества С. Нарышкин говорит о том, что массовый интерес к истории часто возникает на общественных переломах. В связи с этим интерес общества по большей части сосредоточен на периодах, когда народный подъем, рост национального самосознания, энтузиазма и общего стремления к созиданию тоже оставили свой след в истории [10].

Тем не менее для вбирания обществом исторического опыта важно, чтобы историей не манипулировали, а происходило адекватное обсуждение проблем интерпретации событий и процессов исторического прошлого. Хотя естественно, что полностью отбросить манипулятивный эффект, связанный с внедрением в массовое сознание мифологем, не удастся. Информационное пространство современного общества насыщено технологиями политического манипулирования, поскольку основная борьба политических сил разворачивается в ключе так называемых информационных войн. Но нахождение «золотой середины» между идеологизированным и

объективным знанием об истории составляет основу для стабильности общества, это примерно такой же «балансир», как между отношениями гражданского общества и государства. Интегративные ценности, которые лежат в основе формирования национальной идентичности общества, в большинстве своем связаны с традициями и идеей культурно-исторических особенностей нации, ее уникального исторического опыта развития.

Поэтому в центре историко-социологических исследований постсоветского периода оказываются ценностные отношения россиян к тем или иным историческим деятелям, а также оценки тех или иных исторических событий, процессов. Говоря о значимости данных ценностных компонентов в массовом сознании граждан, достаточно вспомнить популярный телевизионный проект «Имя России» (2007). Персонафикация истории – важная составляющая исторического сознания, одна из ранних его форм, тесно связанная с мифологией. Через оценку исторических деятелей формируется отношение к целым периодам истории и соответствующим им особенностям развития общества, его модернизации. «Эпохи» Ивана Грозного, Петра I, Александра II, И. В. Сталина, Л. И. Брежнева и др. в массовом сознании связываются с чертами личности, определенного стиля лидерства, соответствующих результатов периода правления, отражающих некую модель национальной политики.

Для массового сознания российского общества характерно представление о спайке сильного лидера с сильным государством, а сильного государства – с национальным подъемом. Неслучайно, что тройку самых популярных лидеров в проекте «Имя России» заняли Александр Невский, Петр Столыпин и Иосиф Сталин. При всей их внутренней несовместимости они отвечают образу сильного государства. Этатизм, ориентированный на державность, военно-политическую мощь и геополитическую влияние, представляет ценностный ориентир и для современных российских граждан. Естественно, что проект «Имя России» был своего рода PR-проектом нынешней социокультурной элиты с предсказуемым результатом. Но и опросы общественного мнения фиксируют похожие установки массового сознания на национальных героев прошлого.

В исследовании, проведенном Лабораторией этнической социологии и психологии НИИКСИ СПбГУ в 2013 г. среди жителей Санкт-Петербурга, была выявлена корреляция между периодами российской истории, которые вызывают положительные ассоциации, и историческими фигурами, вызывающими чувство гордости. Рейтинг популярности следующий: Петр I (67 %), Столыпин (23 %), Екатерина II (17 %), Сталин (16 %), Александр II (15 %). Заметим, что в первой пятёрке рейтинга только государственные деятели – главы государства и правительства [11]. Интересен отдельный срез популярности политических деятелей в среде российской студенческой молодежи. На вопрос «Кто из деятелей прошлого и настоящего более всего способствовал осуществлению массовых народных ожиданий?» было получено следующее распределение: Петр I (47 %), В. В. Путин (33 %), В. И. Ленин (28 %), И. В. Сталин (26 %), Екатерина II (18 %) [12, с. 111].

Надо отметить, что наблюдается некоторый парадокс в историческом сознании россиян. С одной стороны, они признают, что знание истории важно для всех граждан, представляет ценность. И более двух третей респондентов отмечают, согласно нашим опросам, что и сами по возможности интересуются историей. Однако свои знания достаточно объективно оценивают «на тройку», что подтверждают проверочные вопросы на знание исторических событий. Тем не менее из обрывочных представлений об историческом прошлом, формируемом культурной элитой, у большинства складывается достаточно устойчивое представление об особом

цивилизационном пути развития России, которая является и не западной страной, и не восточной. Она особенная, считают 74 % петербуржцев – жителей города, которого называли самым «западным» городом России. Мы полагаем, что это происходит в большой степени под воздействием на сознание россиян национальной версии истории, рассматривающей историческое развитие России как «великой державы», евразийской цивилизации, у которой особая модель модернизации, связанная с высокой централизованной ролью государства и объединяющей миссией харизматического политического лидерства. Народный дух и политическая воля стоят как бы над общественными институтами, представляют собой главный ресурс как стабильности, устойчивости перед вызовами, так и модернизации общества. Данное историческое сознание обуславливает и представления о переживаемом настоящем и о желаемом будущем, в котором россияне могли бы гордиться своей страной, ее лидерами и ее мировыми достижениями.

Однако, как отмечает З. В. Сикевич, произвольные, зачастую искаженные интерпретации исторических фактов, их эмоциональная оценка, формируя систему социальных ожиданий, напрямую обуславливают оценки переживаемого настоящего и желательного будущего [11, с. 197]. В то же время неоправданные ожидания приводят к социальной напряженности, а та, в свою очередь, формирует среду потенциальных конфликтов. В связи с тем, что в основном указанные процессы протекают в ключе этноцентризма, зачастую этнические конфликты провоцируются ксенофобскими установками, выплеск фрустрирующей энергии происходит через них. Ярким примером такого развития событий является ситуация на Украине, в которой задача конструирования национальной истории «без России» заставила активно внедрять в массовое сознание ряд мифологем об историческом противостоянии русских и украинцев. Что закономерно привело к расколу по этническому принципу, росту социально-политической напряженности и масштабному этнополитическому конфликту в Юго-Восточной Украине.

Исторические концепции и этническая политика. Как мы уже отмечали, формирование новых исторических концепций в русле этноцентризма порождает и изменения в восприятии исторического прошлого населением. Отсюда большой интерес современных историков к проблемам исторического сознания и исторической памяти. Другой вопрос, что сами работы по исторической памяти, которые получили особую популярность в последние годы, в большинстве своем, считают И. М. Савельева и А. В. Полетаев, представляют собой пример так называемой идеологизированной истории, когда историки оказываются втянутыми в современные политические отношения и пытаются «историзировать» реальность настоящего, придать ей историческое значение [13, с. 41]. Как отмечает С. Нарышкин, вслед за новыми спорами ученых на сцену выходят идеологи. И тогда «упражнения с прошлым» уступают место соревнованию за будущее [10]. Особенно указанная тенденция «осовременивания» и мифологизации истории усиливается в периоды этнополитических конфликтов.

Так, во времена чеченского конфликта 1990-х гг., по словам В. А. Тишкова, местные газеты были заполнены на 70–80 % статьями историков, фольклористов, археологов или журналистско-публицистическими очерками на тему культурно-исторической уникальности чеченского общества [14, с. 53–54]. Другой пример непримиримого этнополитического конфликта на постсоветском пространстве – Нагорный Карабах. На протяжении всего конфликта между Азербайджаном и Арменией активно происходила политизация истории, когда основным «заказом» национальных историков был сбор доказательств «первородства» той или другой стороны, исторических прав на землю. При этом приводятся данные археологических и этнографических исследований, цитируются труды различных мыслителей и разных эпох, но все – с позиций этноцентризма [7, с. 8].

Мало кто из современных историков будет опровергать идеологическую и культурно-патриотическую функции исторических концепций для развития общества. Наполняя массовое сознание смыслом исторической гордости или исторических обид, оно формирует социально-психологические установки, определяющие поведение социальных групп, их реакцию на те или иные события. Поэтому, как правило, серьезные общественные трансформации влекут за собой и смену или пересмотр исторических концепций. На примере распада Советского Союза мы видим многократно отмечаемую историками закономерность в повсеместном переходе от советской исторической концепции строительства многонационального государства к этнонациональным концепциям истории отдельных народов. Объединяющая центр и республики классовая теория исторического материализма сменилась различными теориями этногенеза и национальной истории, в том числе национально-освободительного движения. В новых исторических построениях главными историческими героями стали народ-этнос и конкретные личности, в которых он воплощается [8, с. 121].

В условиях распада союзного государства и дезинтеграционных процессов на всем постсоветском пространстве усиливаются тенденции к «регионализации истории», ее замкнутости на конкретные исторические процессы, которые носят избирательный характер. История превращается в ткань из белых пятен и ярких узоров. Что-то сознательно замалчивается, другие же события прошлого мифологизируются. Этнозация истории и этнизация политики идут рука об руку. Этнонациональные движения стали строить идеологию из мифологизированных конструктов истории. Для «переписывания» истории характерными стали приемы политического манипулирования сознанием в форме создания образа врага из бывшей метрополии и некоторых народов-соседей, героизации политических событий и лидеров национальных движений, удревнение основ государственности титульного народа, мифологизированное представление об упущенных возможностях своего общественного развития как жертв колониального прошлого.

Построение новых национальных государств или движение усиления суверенизации и сепаратизма республик в самой России шло в русле пропаганды собственной этнонациональной исключительности и формирования этнофобий и враждебных установок в отношении нетитульных народов, прежде всего русских. Отрицательный исторический образ России в массовом сознании поддерживается политическими элитами в том числе и за счет таких манипулятивных приемов, как усиление негативного восприятия главных исторических персонажей русской истории, эффект обобщения и усиления демонизирующих черт. В новых национальных историях можно назвать его «эффектом Сталина» (или еще древнее – «эффектом Ивана Грозного»), когда деспотические черты личности переносятся на обобщенный образ правителя российского государства, рассматриваются как своеобразный архетип власти. Так образ России как восточной деспотичной державы, нарушившей ход истории развития восточноевропейских народов, все более укореняется в последние годы в сознании самих этих народов. Во многом вследствие не только массовой пропаганды в СМИ, но и продуманных антироссийских концепций истории, внедренных в систему образования.

В связи с этим неудивительно, что возникла ответная защитная реакция российских историков, пытавшихся восстановить концептуальную связь единства судьбы народов России и всесторонне описать позитивный синергетический эффект их общего развития. Единое социокультурное пространство не исключает этнокультурного своеобразия народов, но дает широкие возможности для взаимного культурного обмена. Проецировавшийся

на российское общественное мнение комплекс вины за свое имперское прошлое с требованиями покаяния перед угнетенными народами стал постепенно изживаться в общественной мысли современной России. Без отрицания черных пятен истории, без избегания сложных противоречивых периодов развития российского общества тем не менее восстанавливается историческая роль России как великой державы, сыгравшей ключевую роль в становлении современного международного правопорядка, принесшей возможности для мирного стабильного развития народов на широком евразийском пространстве.

Знания об особенностях исторического сознания тех или иных народов могут лечь в основу подходов к истории в рамках этнокультурной политики. Известно, что на Кавказе сильнее, чем в других этнотерриториальных образованиях актуализирована историческая память. Т. С. Гузенкова даже пишет о том, что кавказские народы живут прошлым в большей степени, чем настоящим, они консервативны по духу, больше вплетены в ткань традиций [8, с. 136–137]. При этом особое значение в этнонациональных версиях истории на Кавказе имеют военная история, факты и мифы о героических событиях, подвигах, полководцах. Важно, что советский период истории, несмотря на ряд сложных внутренних конфликтов, не принимал однобоко негативного содержания. Память о Великой Отечественной войне и участии в ней жителей Кавказского региона и сегодня составляет важную черту исторического знания даже репрессированных в тот период народов – балкарцев, ингушей, чеченцев. В связи с этим так важно понимание функций исторического сознания и исторической памяти в формировании модели национальной политики в полиэтническом обществе со сложной федеральной политической структурой власти. Необходима гибкость информационного воздействия на массовое сознание с учетом особенностей исторической памяти этнических групп и уровня социально-политической напряженности.

Региональный этнонационализм и история. Рассмотрим несколько примеров политизации исторического сознания, конструирования этнонациональных версий исторического прошлого на региональном уровне в России. В качестве кейсов мы выбрали Чечню и Татарстан как случаи сильной степени концептуальной выраженности политики историко-культурной обособленности, попыток создания национальными историками своей мифологизированной картины прошлого. Кроме того, данные примеры характеризуют различные типы социальной напряженности, этнического неравенства и этноконфессиональных конфликтов. Имеет значение географический выбор указанных этноконфликтных зон: Северный Кавказ и Поволжье – две линии этнической напряженности в России после распада СССР; также играют роль общие случаи воздействия религиозного фактора. Еще один фактор, который следует учитывать – длительность периода нахождения в составе России. Если истории государственно-политического единства Татарстана с Россией пошел уже пятый век (без учета разновекторного периода вассальных отношений), то для Чечни он насчитывает менее двух столетий (после окончания Кавказской войны). Разумеется, историческая память каждого народа хранит свои специфические представления о событиях и процессах, определивших общую судьбу с Россией, но характерно, что для каждого из них существуют точки гордости за свое историческое влияние на Россию и свои травмы потери зарождающейся государственности. Но тем не менее мы можем выделить общие закономерности в воздействии этноцентризма на сознание населения указанных республик при помощи конструирования этнонациональных версий истории.

Модель такого воздействия в наиболее развитом виде дает нам национальная школа историографии Татарстана, в которой подход к истории народа (татар) представляет собой,

по сути, альтернативную историю по отношению к принятой российской историографии. Это особенно ярко видно на основе анализа учебных пособий по истории Татарстана и татарского народа. Во-первых, это рассмотрение истории в русле концепции нации и нациестроительства с соответствующим выделением периодов исторического развития на пути построения собственной государственности и оценка нынешнего положения в статусе национальной республики в составе Российской Федерации. Во-вторых, это попытка «удревнения своей нации», стремление найти корни этногенеза в древних племенных объединениях кочевников, представляющих так называемый тюркский мир. В частности, в учебных пособиях Р. Р. Фархутдинова, Р. Р. Исхаковой истории гуннских племен и походам Аттилы посвящается практически столько же места, сколько и всему периоду имперской России XVIII–XIX вв. [15], а учебное пособие Э. Р. Тагирова начинается предисловием с таким названием: «История национальной государственности длиною в три тысячи лет» [16].

В-третьих, это представление о прерванном развитии собственной цивилизационной траектории. Характерно, что, несмотря на то, что и Волжская Булгария стала объектом монгольского нашествия, в отличие от русской историографии это событие не оценивается как трагедия, а скорее как новый этап развития в составе Золотой Орды, преемником которой стало и Казанское ханство. В-четвертых, представление о нахождении в составе России как трагическом периоде, героизация национально-освободительной борьбы и формирование исторической памяти о падении Казанского ханства как травме и национальной трагедии. В то же время сознательно замалчиваются исторические факты разорительных набегов войск Казанского ханства на русские земли, сложные отношения внутри самого Казанского государства.

Учебные пособия по истории Татарстана, в том числе выпущенные под эгидой Академии наук, изобилуют такими выражениями, как «многострадальный народ с невероятно тяжелой судьбой», «прерванная цивилизаторская миссия», «политика разделай и властвуй», «жесточайшее избиение татар», «под пятой одной из самых беспощадных монархий». Подчеркивается, что имперский российский центр в разных политических обличьях препятствовал свободному развитию татарского народа, подавлял национально-освободительное движение. При этом и русские как этнос зачастую рассматриваются с позиций негативных этностереотипов. В частности, академик И. Р. Тагиров, рассказывая о противодействии ЦК РКП(б) созданию Татарской республики, пишет следующее: «Корни противодействия центра созданию в границах компактно проживающего татарского населения мощной республики лежали, очевидно, не только в имперских политических соображениях, но и в господствовавшей этнокультуре, одной из характерных черт которой является исторически транслируемая ксенофобия» [17, с. 4].

В то же время в разговорах об исторической справедливости и создании собственной государственности сознательно забывается, что в Татарстане по переписи населения 2010 г. проживает 53,2 % татар и 39,7 % русских [18]. И в отличие от прибалтийских республик, такое этническое соотношение сформировалось не за короткий срок нескольких десятилетий, а за столетия совместного проживания русских и татар в регионе. Социологические исследования в Татарстане, начатые еще в 1960-х гг., убедительно демонстрировали, как в результате политики этнического выравнивания росла численность городского татарского населения, поднимался его культурно-образовательный уровень, социальный статус [19].

И именно этот интеллектуальный базис модернизации и породил во многом этнонациональное движение татар в конце XX – начале XXI в., из которого зародилась и национальная школа татарской историографии: Х. Атласи, Г. Ахмеров, Г. Губайдуллин, Ш. Марджани,

И. Тагиров, Р. Фахретдин и др. Неудивительно, что приверженцы новой школы на первом этапе взяли удобную концептуальную основу, выражающуюся в формуле «Россия – тюрьма народов». Соответственно, несмотря на общие слова о взаимообогащении культур, общая канва воздействия на историческое сознание татарского населения была направлена на формирование этнической идентичности как основы для государственного суверенитета.

Итак, к чему приводит воздействие на сознание (на примере студенческой молодежи Татарстана)? Так, при опросе сети этномониторинга EAWARN 2013 г. в Татарстане на вопрос, с чем они ассоциируют слово «Родина», лишь 31,2 % студентов указали, что это Россия. Со своим регионом родину ассоциируют 23,1 % (144). В учебном заведении и на работе 79,9 % респондентов общаются только на русском языке, 14,7 % – на русском и татарском, 4,7 % – только на татарском [12, с. 146].

Обратимся ко второму кейсу – об историческом сознании и проблеме этнонационализма в Чечне. Воздействие на историческое сознание как самих чеченцев, так и в целом россиян по проблеме Чечни имеет огромное значение по нескольким причинам. Во-первых, это недавние кровопролитные вооруженные конфликты в 1990-х – начале 2000-х гг. между силами федерального центра и сепаратистами; память об этих событиях еще долгое время будет оказывать влияние на межэтнические отношения в российском обществе. Во-вторых, это особенности исторической памяти чеченцев, как и ряда других народов, о депортации и репрессиях сталинского периода, а также более общие представления россиян о периоде Кавказских войн XIX в. Мы уже упоминали мнение специалистов о том, что в полиэтничном Кавказском регионе сложная ткань отношений между народами вплетена в особые представления в историческом сознании. Более того, делает вывод З. Х. Ибрагимов, миграционные процессы на Северном Кавказе, включая массовое заселение славянскими этносами, не привели (за редким исключением) к смешению коренных и пришлых народов, а локализовали их в этнические и социокультурные миры так называемого пограничья [20, с. 12]. Поэтому этноцентризм имеет на Кавказе особенно сильные корни, ярко выражен в политике этнокультурной элиты.

Чеченский кризис 1990-х гг. актуализировал богатую псевдонаучную мифологию об истории и историческом облике чеченцев, который из литературных публицистических и академических текстов перешел в массовое сознание жителей этой республики [14, с. 45]. Среди них миф об исключительном природном свободолюбии и благородстве чеченцев, миф о древнейших корнях народа, насчитывающих тысячелетия, что как минимум сравнимо с древними цивилизациями мира (Египетской, Месопотамской). К этим мифам добавилось целенаправленное разжигание вражды к русским через актуализацию в исторической памяти травмы сталинской депортации, в которой мифологизировалась жестокость условий проживания народа в ссылке в течение 13 лет [21]. И добавился фактор исламизации – влияние религиозной идеологии на политико-правовое сознание.

Как следствие, возникли резкий рост ксенофобных настроений, прежде всего в среде молодежи в конце 1980-х – 1990-е гг., радикализация этнонационального движения, вставшего на путь открытого сепаратизма, и фактическое изгнание русского населения с территории республики. Если по переписи населения 1989 г. в Чечено-Ингушетии проживало 293 771 (23,1 %) русских, то согласно данным Всероссийской переписи 2010 г. русских в составе населения Чеченской республики всего 1,92 % [15]. В результате вооруженного конфликта на территории Чечни информационное воздействие на массовое сознание приняло характер этнической мобилизации, и манипуляции с историческими данными участились. Несмотря

на урегулирование конфликта, восстановление конституционного порядка и период стабилизации и экономического роста в Чеченской республике в составе Российской Федерации в 2000-е гг., этнонационализм как явление не исчез, но принял другие формы. Этнокультурная политика, направленная на формирование представлений чеченцев об их этнической исключительности, продолжилась, ознаменовавшись в том числе и выходом новых обобщающих трудов по истории. Такие работы, как «Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен» в 4 томах (1997–2004), «История Чечни с древнейших времен до наших дней» в 2 томах (2006), продолжали традиции новой чеченской исторической школы по созданию концепции «чеченцы – старейший народ Кавказа» [22], [23].

Столь активное внедрение этнонациональной версии чеченской истории не могло не отразиться на массовом сознании жителей Чечни. Социологи при исследовании общественного мнения в Северо-Кавказском регионе выявляют, что многие явления и события минувшего до сих пор сильно актуализированы в сознании людей. Наиболее глубокий след в памяти этих народов оставила Кавказская война 1817–1864 гг. Выяснилось, что эта память концентрирует в себе не только открытую и доступную для всех информацию, но и латентные источники – семейные предания и легенды, рассказы, народные песни, официальную и неофициальную топонимику [7, с. 14]. Интерес в этом плане вызывает позиция чеченского историка З. Х. Ибрагимовой, которая, анализируя итоги присоединения Северного Кавказа к России в XIX в., замечает, что особенно актуальной эта тема стала после окончания Чеченской войны, поскольку у чеченцев очень живое чувство истории и они видят сходство между потерей независимости и карательными действиями российского государства, ложью и обманом и в тот период, и в современный. И призывает российских политиков к покаянию «за свою нацию» по примеру немецких, которые публично признали вину за холокост и нацистские преступления [20].

В отношении воздействия на историческое сознание чеченцев в настоящее время интерес представляет прежде всего молодежь. В исследовании проблем идентичности и гражданской активности российского студенчества (2013 г.), проведенного по методике Сети этномониторинга EAWARN, результаты, полученные по Северо-Кавказскому региону и Чечне, свидетельствуют, что общероссийская гражданская идентичность здесь сформирована крайне слабо. Только 24 % опрошенных студентов чеченских вузов ассоциируют свою Родину с Россией как страной. Это самый низкий показатель по Северо-Кавказскому федеральному округу (в два раза ниже, чем, например, в Дагестане или Кабардино-Балкарии), и он сравним только с рассмотренным выше показателем в Татарстане (34 %). При высоком уровне региональной и местной идентичности символами Родины для молодежи выступают чеченский язык и культура, тотемное животное – волк, государственно-политические символы Чечни (герб, гимн, флаг), религиозный символ – мечеть «Сердце Чечни». Надо отметить, что и в повседневной жизни на русском языке общаются с коллегами только 56 % от числа опрошенных, а дома – менее 10 %. Соответственно среди чеченской молодежи высок уровень этноконфессиональной идентичности. В Чечне не только самый высокий процент верующих – 97 % опрошенной молодежи вузов заявили о себе как о приверженцах ислама, но и показатели групповой идентификации по конфессиональному принципу – 76 %. Идентичность со своей этнической группой (49 %) стоит на 4-м месте после семьи (70 %) и друзей (56 %). Наблюдается самый высокий уровень установок готовности к конфликтным действиям на межэтнической основе (более двух третей молодых людей готовы участвовать в конфликте в зависимости от обстоятельств) [12, с. 54–57, 203].

В связи с доминированием этноцентристской версии истории особый интерес представляют ответы студентов на вопрос об «идеальном» или наиболее благоприятном периоде развития России. Большинство участников опроса (43,9 %) вообще не смогли выделить такой период в развитии России (22 % затруднились ответить, 21,9 % считают, что такого периода в истории России не было вообще). В целом, опрос показал, что сознание сепаратизма достаточно прочно утвердилось в среде чеченской молодежи. С историей России как с историей своей Родины ассоциируют себя всего 11 % чеченских студентов, в то время как с историей своего отдельного региона – 46 % [12, с. 86, 204]. Мы полагаем, что это свидетельство длительного воздействия этнонациональной версии истории, в условиях которого прошла социализация уже нескольких поколений чеченской молодежи.

Случаи Татарстана и Чечни являются примерами того, как национальная общероссийская идентичность «проигрывает» идентичности региональной и наблюдается связь данного явления с господством в этих регионах этнонациональных версий исторического прошлого. В то же время не работающие механизмы интеграции приводят к ситуации, когда этническая группа как бы консервируется в особой ценностной структуре, становясь своего рода «маргинальным подпольем» в обществе [24, с. 121]. В случае системного кризиса в обществе, напротив, такие группы активизируются в большей степени, чем другие, играя роль конфликтного дезинтегрирующего фактора.

В современном российском обществе проблема сохранения общей исторической памяти имеет ключевое значение для формирования национальной (общегражданской) идентичности. Политическую стабильность и устойчивые федеративные отношения подрывают этнические региональные версии истории, транслируемые местными элитами. В условиях социально-экономического кризиса нарастают не только внешние, но и внутренние вызовы безопасности российского общества. Для регулирования этноконфессиональных отношений и конфликтов власти и обществу важно понимать значение историко-социологического знания как составляющей массового сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rüsen J. Using History: The Struggle over Traumatic Experiences of the Past in Historical Culture // *Historein*. 2011. Vol. 11. P. 14–18.
2. Дробижева Л. М. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia, 2002. 480 с.
3. Rüsen J. Tradition: A principle of historical sense-generation and its logic and effect in historical culture // *History and Theory*. 2012. Vol. 51, No 4. P. 45–59.
4. Перелыгина Е. Б., Донцов А. И. Социальная стабильность: от психологии до политики. М.: Эксмо, 2011. 302 с.
5. Кузнецов В. И. Формирование исторического сознания как задача модернизации в современном российском обществе // *Гуманитарные научные исслед.* 2014. № 11. URL: <http://human.snauka.ru/2014/11/8382> (дата обращения: 20.09.2017).
6. Sahdra B., Ross M. Group identification and historical memory // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33, No 3. P. 384–395.
7. Тощенко Ж. Т. Манкуртизм как деформация исторического сознания (опыт социологического анализа) // *Социология власти*. 2010. № 1. С. 6–18.
8. Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова; предисл. Ф. Бомсдорфа. 2-е изд., испр. и доп. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. 432 с.

9. Ушакин С. А. Вспоминая на публике. Об аффективном менеджменте истории. URL: <http://gefter.ru/archive/13513> (дата обращения: 16.09.2017).

10. Нарышкин С. Рецепты для будущего // Российская газета. Федер. вып. № 6984 (116) от 31.05.2016.

11. Сикевич З. В. Историческое прошлое в социальных ожиданиях россиян // Вестн. СПбГУ. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. Вып. 2. С. 196–206.

12. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / ред. В. А. Тишков, Р. Э. Бараш, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014. 342 с.

13. Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 56 с.

14. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001. 552 с.

15. Фархутдинов Р. Р., Исхакова Р. Р. История татарского народа и Татарстана: Хрестоматия для студентов высших учебных заведений гуманитарного профиля. Казань: Изд-во ИСПО РАО, 2001. 120 с.

16. Тагиров Э. Р. Народ в пути. История Татарстана в контексте мировой цивилизации. Казань: Магариф, 2008. 287 с.

17. Тагиров И. Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. 310 с.

18. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010.

19. Социальное и национальное: опыт этносоциологического исследования по материалам Татарской АССР / отв. ред. Ю. А. Арутюнян. М.: Наука, 1973. 331 с.

20. Ибрагимова З. Х. Царское прошлое чеченцев. Власть и общество. М.: Пробел-2000, 2009. 580 с.

21. Авторханов А. Г. Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР. М.: СП «Вся Москва», 1991. 79 с.

22. Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен: в 4 т. Т. 3. М.: Русь, 2002. 396 с.

23. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1 / М. Х. Багаев, Х. А. Хизриев, Я. З. Ахмадов и др.; отв. ред. М. Ибрагимов. Грозный: Книжное изд-во, 2006. 826 с.

24. Абдулкаримов Г. Теоретические проблемы актуальной этнополитики в России: Этносоциология модернизации современной России. М.: Весь мир, 2010. 336 с.

S. D. Savin

Saint Petersburg State University

The formation of the concept of motherland history assumes great importance during the search of new foundations for national consolidation of the Russian society. The attitude of citizens towards the historical past, traditions of their country, realization of the so-called "history lessons" forms both an attitude to the present and a vision for the future. The development of society while preserving its stability is possible only in the conditions of the integrity of historical consciousness, the fulfillment of its integrative function. At the same time, there is a contradictory nature of the creation of the so-called "national history" in the ethno-territorial formations of the Russian Federation. Supported by individual regional authorities, local schools of historiography create such systems of historical knowledge that are aimed at the formation of identity in line with the policy of ethno-nationalism. Historical consciousness under conditions of change, transformation of society plays a dual role. On the one hand it performs an integrative function, on the other hand it can become a source of confrontation and splits in the society and among peoples.

Historical memory, historical consciousness, ethnic conflict, national identity, political stability